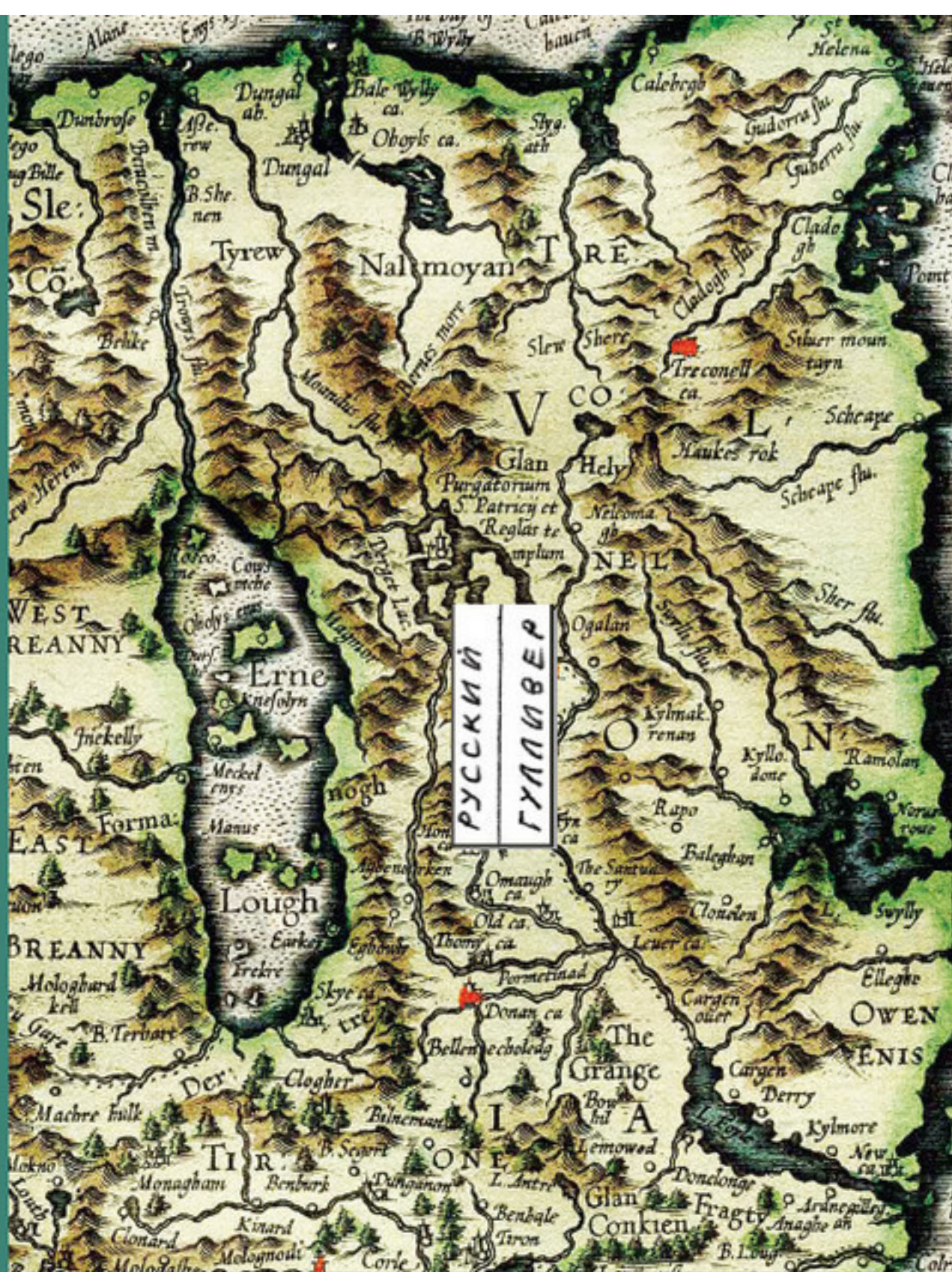

НАТАЛИЯ ЧЕРНЫХ РЯБИН

ПОХВАЛА
БЕССОННИЦЕ

Наталия Черных
Похвала бессоннице

ИП «Центр современной литературы»

Черных Н.

Похвала бессоннице / Н. Черных — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-027-3

Черных Наталия Борисовна, 1969 г.р., поэт, прозаик, эссеист. Родилась в городе Челябинск-65, ныне Озёрск, училась во Львове, с 1987 живёт в Москве. Автор семи поэтических книг. Победитель Филаретовского конкурса поэзии в 2001 г. В 2008 г. в изд-ве ЭКСМО вышла книга очерков «Уроки святости». С 2005 г. — куратор поэтического Интернет-проекта «На Середине мира».

ISBN 978-5-91627-027-3

© Черных Н.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Об авторе	5
Боль здесь – только боль	6
Лествица поэта	10
Книга элегий	15
К свиданиям	15
Первое	15
Второе	16
К озеру	18
Лоза, молоко и роза	22
К винограду и розе	22
К розе и молоку	22
К лозе и молоку	23
Элегия с яйцом	25
Детские	27
Первая	27
Вторая	28
Третья	29
Четвёртая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталия Черных Похвала бессоннице

Об авторе

Черных Наталия Борисовна, 1969 г.р., поэт, прозаик, эссеист. Родилась в городе Челябинск-65, ныне Озёрск, училась во Львове, с 1987 живёт в Москве. Автор семи поэтических книг. Победитель Филаретовского конкурса поэзии в 2001 г. В 2008 г. в изд-ве ЭКСМО вышла книга очерков «Уроки святости».

С 2005 г. – куратор поэтического Интернет-проекта «На Середине мира».

Боль здесь – только боль

Бывают поэты, которые выражают время. Это не так просто, как может показаться на первый взгляд, потому что в разных социальных стратах, при разных жизненных практиках время – разное. И кто из ровесников – лучший выразитель этого времени: аристократ Владимир Набоков или приказчик Алексей Сурков, маргинал Константин Вагинов или лидер Илья Сельвинский, а может быть вообще певец «любви на скамейке» Степан Щипачев?

Но есть поэты, время не выражающие, и вообще не выражающие ничего. Их творчество не выражает, а содержит: невроз, надежду, архетипический трепет, теплящуюся жизнь. Их трудно читать, о них неэффективно рассуждать, неактуально упоминать, непродуктивно (в смысле скудости получаемого продукта) описывать.

Потому что аффектированная боль «визуальнее» боли отпускаящей, концептуализированный опыт «интеллектуальнее» данного нам в ощущениях. Со всем этим материалом мы (читатели, коллеги, критики) просто не знаем, что делать. Уже не только обывательское, но и профессиональное чувство самосохранения подсказывает отвести глаза в сторону.

Вот так и поступает современная русская литература с Натальей Черных. И в этом ее положении есть только одна утешительная сторона: когда стареющие «главные», наконец, зазеваются и новая (как всегда наглая) поэтическая генерация прорвется на литературное поле, квалифицируя все приметное на нем как хлам и мусор, у Черных, не запачканной успехом, чуть большие шансов избежать общего удела своих ровесников. (Впрочем, заранее ничего гарантировать нельзя.)

Тем более, что ведь не скажешь, что поэтесса никому не известна. Данная книга – восьмая по счету за 13 лет, да и выходили они там же, где выходили книги тех ее ровесников (и ровесниц), что у всех на слуху: в «Арго-риске», «Русском Гулливере»... А до этого Наталия Черных печаталась и в «Гуманитарном фонде», и в «Вавилоне», и в «Окрестностях». Даже в уважаемом двухтомнике «Современная литература народов России» она есть (а там много кого нет). Следовательно, за всем этим «непризнанием» стоит нечто такое, что требует объяснения.

Общим местом в упоминаниях о стихах Черных является ее православие. На мой взгляд, это характеризует лишь употребление самого этого понятия в языковой практике литературной среды нового поколения, потому что подключение автора к «православному» контексту что «бронзового века» (Кривулин, Швари, Стратановский, Седакова), что околоцерковной «книжности» (Николаева), что к отчаянно рискованным опытам сконструировать такой контекст сегодня (Круглов) ничего не даст: ее поэзия слишком далека и от ретро-модернистской героики сопротивления, и от, в сущности, внутренне комфортного благолепия, и от трансгрессивных интенций.

Но что же тогда в этой поэзии есть, что так старательно увертывается от критического препарирования?

Во-первых, народность. Рискну употребить это «мертвое» слово с тем, чтобы оспорить мнимое отсутствие его референта. Это, естественно, не демократичность, которая несовместима с «культурными» реалиями (античными или кельтскими). Скорее это что-то связанное с «национальным началом», и об этом нужно сказать подробнее.

Немыслимо представить себе подобное словосочетание в отношении поэта из бывшей (а тем более если не бывшей) империи. Оно своей одиозностью разрушит любой самый доброжелательный разговор. Но в том и дело, что даже беглый взгляд на проблему показывает подмену этого понятия в русском случае чем-то иным, разным в разных обстоятельствах: милитаристски-погромным или ортодоксально-клерикальным, маскарадно-анахроничным или экзотически-фольклорным, барски-благодущным или, наоборот, плебейски-самоутвер-

ждающимися. У Черных же мы можем услышать народную интонацию и просодику, очищенные и от идеологических задач, и от примет образовательного или же социального ценза.

Одно дело:

Опять играют два баяна
В весеннем парке на кругу.
И про тебя, мой окаянный,
Опять забыть я не могу.

(Михаил Исаковский, 1961)

Мы не сильно ошибемся, предположив число законченных классов (от 4 до 7), карьерный путь (из доярки или льноводки в неквалифицированные фабричные работницы) и matrimониальные перспективы (потенциальные женихи были убиты на войне) героини этого, в каком-то смысле «классического» народного стихотворения. Другое дело:

Всё во мне, Господи, поперек,
милый ты мой уголек,
а согрел,
не позабудь, как согрел,
как сам сгорел.

(цикл Натальи Черных «В дороге и на постое», 2008)

Что мы можем знать из этих строк о героине Черных, кроме того, что для нее интонация причитания органична, тем более что лишена примет просторечия? И того, что, в отличие от первой героини, ей не нужно музыкальное сопровождение, она в должной мере музыкальна сама.

Во-вторых, религиозность. Опять-таки «пустое» определение, что без всякого контекста, что в современном русском контексте. Одно дело:

как снег Господь что есть
и есть что есть снега
когда душа что есть
снега душа и свет
а все вот лишь о том
что те как смерть что есть
что как они и есть

(Геннадий Айги, 1978)

Этот шедевр говорит нам о жесткой позиции автора и по отношению к тому, что он называет «Муляж-Страна» (и что ставит его в один контекст с поэтами Сопротивления от Рене Шара до Чеслава Милоша, только здесь это сопротивление – репрессивному государственному атеизму), и по отношению к тому, что называется «великой русской традицией» (уничтожена не только рифма, но и синтаксис).

Другое дело:

... боль здесь – только боль,
улыбка есть улыбка, а страданье
здесь, в мире, где Христос ходил с людьми,
уже не будет глупым и напрасным.

Здесь каждый с именем – уже как человек:
он видит, слышит, осязает, любит
не только плотью. Он болеет, спит...

(триптих Черных «Лоза, молоко и роза»)

Опять-таки у Черных мы сталкиваемся с «неподключаемостью» ее речи (и ее богословствования, а ему поэтесса не чужда) к какой-либо или прямо сартикулированной, или косвенно находимой на современной полемической карте позиции.

В третьих, реализм. Осознаю, что пользуюсь малоконкретным обозначением неких эстетических практик работы с реальностью, где эта реальность не выступает в излишне сгущенном или превращенном состоянии, в то же время рая читателя материалом или ракурсом.

Одно дело:

На реке непрозрачной
 катер невзрачный какой-то,
Пятна слизи какой-то,
 презервативы плывущие
Под мостами к заливу
 мимо складов, больниц, гаражей
И Орфея-бомжа,
 что в проходе к метро пел пронзительно,
Голова полусгнившая.

(Сергей Стратановский, 2003)

Мы видим, как нарастающее сгущение красок в создаваемой на материале реальности картине привело к ее превращению в фантастическую сцену на известный мифологический сюжет.

Другое же дело:

... здесь на квартире, или, считай, на флэту, в этом исконном сарае,
где шестилетние дети глядят как законченные паразиты,
а матери делают вид, что весь бардак вокруг них гармоничен,
в этом еще не закончившемся предвосхищении,
в этом наркопритоне без средств и без кайфа...

(цикл «К Царицынскому парку»)

Ужас происходящего не гиперболизирован, и, возможно, именно это позволяет увидеть некоторые детали, которые было бы не разглядеть, будь рассказ более экспрессивен.

Но мы с некоторым трудом подыскали «чистые» примеры: обычно же все три эти начала переплетены в кажущемся несколько анахроничном, а на деле архаичном рассказе-плаче «от первого лица». Это и есть узнаваемый почерк поэтессы:

я расцветаю тем гибельным цветом, той радостью страшной,
что людям дана перед смертью
.....
Боль – когда тело цепляется за
взгляд, поворот головы, чашку, воду горячую, мыло, одежду.

Всё это канет в простую вселенскую осень,
как в Клязьму (ее берега круты и покрыты монашеством ив
кроткоствольных).

.....
Предчувствие радости высшей преображает
радость земную. Она расцветает, как не умеет цвести среди
плотных
вещей,
она озаряется, светит! Она будто лист, мягкий и теплый, на
антраците
асфальта...

(цикл «Детские элегии»)

Остается предположить, что же именно может оказаться «абсолютно современным» (Рембо) в поэзии Черных для читателя следующего (а оно вот-вот «заявится») поколения, чего без этих стихов не было и нет в русской поэзии. И тут не обойтись без «гендерного» ракурса и, одновременно, без напоминания о трюизме: как нет такой реалии феминизм, а есть реалия феминизмы, так нет «женской поэзии», а есть «женские поэзии». И в их контексте мы должны последовательно «срывать» одну за одной инспирированные временем (см. начало статьи) маски: «роковая женщина-поэт (в мужском роде)», «вдова-сестра-мать, оплакивающая павшего мужа-брата-сына», «андрогинная инфантилка, продуцирующая «фиктивное эротическое тело» (Кукулин)», «молодая разгневанная женщина» (Скидан), срывать постольку, поскольку их надевает на автора это самое время.

У Черных же именно здесь – всё абсолютно другое, у нее, как у святого / блаженного Августина, времени нет:

... мы неменяемы здесь,
где вместо времени сыворотка
.....
так что лучше прослыть дураком и сидеть весь остаток жизни
поднадзорным таким глухарем, воплощением тихого смысла...

Сергей Завьялов

Лествица поэта

Выход этой книги, восьмого поэтического сборника Натальи Черных «Похвала бессоннице» – событие в современной русской поэзии. Каждый поэтический сборник этого автора, одного из самых сильных и самобытных в так называемом «поколения 90-х», свидетельствует о достижении качественно новой ступени мастерства, о становлении личности поэта, который в настоящее время, после появления восьмой книги своих стихов, претендует на место в самых первых рядах современных русскоязычных поэтов.

Начало творческого пути Натальи Черных, как и всех авторов «поколения 90-х», пришлось на рубеж 80–90-х гг. прошлого века, время масштабной реструктуризации русскоязычной культуры. Свои собственные пути им пришлось нащупывать, справляясь с лавинными потоками информации о ее воссоединяющихся в одно целое «разрешенных», «полуразрешенных» и «запрещенных» в советское время составляющих, в том числе христианства. Позиционируя себя и свое поколение, они образовывали самостоятельные объединения и выпускали альманахи и авторские сборники, сначала рукописные и машинописные, а затем – типографские. Наталья Черных, член литературной группы «Междуречье», один из авторов альманаха Союза молодых литераторов «Вавилон», регулярно выступающая на вечерах сложившейся в 90-х гг. в Москве сети литературных клубов, первые печатные книги которой вышли в издательстве «АРГОРИСК», образованном при СМЛ «Вавилон» («Приют», 1996 и «Виды на жительство», 1997), вращалась в широком кругу московских авторов, однако ее творчество отличалось большой степенью аутентичности.

Одинаково успешно освоившие как традиционный, так и авангардный и поставангардный опыт литературы и находясь в условиях сложившейся к тому времени установки на практически отсутствие каких-либо достоверных приоритетов в мире и сознании человека, авторы «поколения 90-х» искусно балансировали между культурными установками, серьезностью и иронией, реальным и фантастическим. При этом в области поэзии наблюдалось сочетание массивированного поиска формы с ориентировкой на идущее из глубин «я» личное поэтическое высказывание, в ходе чего выявлялись индивидуально-достоверные картины бытия-ствования человека и мира, в котором он пребывает. В этой ситуации Наталью Черных, к тому времени впитавшую в себя культуру западного и отечественного рока и глубоко прорабатывавшую как русскоязычную, так и англоязычную, в том числе средневековую, литературу, выделяло то обстоятельство, что поиск форм художественного самовыражения в 90-х у нее совпал с процессом воцерковления.

Темы и образы ее текстов обратились к жизни церкви и состоянию сознания воцерковленного человека. Характерно, что в 2001 г. она стала победителем Второго Филаретовского конкурса на лучшее религиозное стихотворение. Серьезной вехой на ее творческом пути стал сборник «Тихий праздник» (М., Тверь; АРГО-РИСК; Kolonna Publications, 2002). В единое целое временами весьма разнородные тексты этого сборника сплавляет христианское мировоззрение автора, что проявляется на нескольких уровнях: в балладах, почти сказаниях, представляющих собой христианский эпос, в строках, достоверно описывающих повседневную жизнь воцерковленного человека, во включении в ткань текстов отрывков молитв, а также в лексике, свидетельствующей о хорошем знании истории церкви и христианской культуры.

Даже там, где нет непосредственного свидетельства воцерковленности, ощущается формируемое ею отношение к миру и слову, в основе которого лежит прежде всего культивируемое автором чувство смирения как обуздание и трансформация гордости и своеволия. Достижение этого воспринимается не как победа, поскольку победа предполагает гордость, а именно как «тихий праздник» – светлая негромкая радость от ощущения того, что сделан

шаг – только шаг – на отнюдь не гладком пути, и приходит возможность по-иному, по-новому понимать и ощущать себя, мир и слово, прежде всего – слово.

Эстетика авторов, мировоззрение которых следует церковному канону, редко и, как правило, не сильно выходит за рамки традиции. Однако для Натальи Черных, в текстах которой отражается опыт подчинения жизни церковному правилу, как собственный, так и тех, кто многого достиг на этом пути, характерна самая современная поэтика. Она включает в себя свободно меняющийся нерегулярный стих, вставку в ткань стиха фрагментов прозы, фольклорно-авангардные мотивы и элементы самоиронии и центонности – всем этим она пользуется органично и профессионально.

Рисуемая ее строками индивидуально-достоверная картина бытийствования мира и человека также может быть определена как существующая на грани реального и фантастического, с поправкой на то, что такая фантастика есть реальность высшего рода для исповедующих христианство. Важно также, что лирическая героиня Натальи Черных первоначально представляла в образе «старухи», она же – прекрасная волшебная дама, древняя мать, смерть – в ее тесном переплетении с рождением. Известно, что в христианской практике тот, кто стремится трансформировать свою природу так, чтобы подчинить себя исключительно воле Бога, должен как бы умереть для обычного мира, перестать быть обычным человеком, а стать «иным» («иноком»). Так, в текстах Натальи Черных первоначально смерть присутствует в своей освобождающей, преображающей ипостаси – знаменуя отказ от прежней, обычной жизни – с обретением принципиально новых качеств. Ее лирическая героиня того времени напоминает куколку, у которой под временно необходимой оболочкой образа «старухи» идет серьезная работа. При этом она, как и «инокиня», непредставима в роли жены или возлюбленной, проявляя качества сестры или матери.

Вторая ипостась лирической героини Натальи Черных – поэт, исполняющий сформулированный ею завет «Пляши и пой на середине мира!», нечто среднее между странником, скорморохом и юродивым. Именно этот образ, поначалу сращенный с образом старухи и постепенно вырастающий из него, стал визитной карточкой Натальи Черных. Он наследует образу романтического поэта, но отличается от него стремлением к тому, что в данном случае можно обозначить как смиренномудрие. Это дает иные возможности видения «дольнего» и «горнего», расположения между ними и оперирования словом – путем подчинения взаимосвязи сознания и слова Слову. Устремленность к этому красной нитью прошивает поэтические сборники Натальи Черных. Она прославляет Господа, просит Его о помощи в решении жизненно-поэтической задачи и обещает Ему быть достойной этого.

В раннем сборнике «Виды на жительство» есть такие строки: «Ты замкни Господи мне уста / чтобы речь проста и чиста / отвори Господи речь наглядную / чтобы всякой твари понятная», а в предыдущем представляемому сборнике «Камена» (М.: Русский Гулливер, 2007), где она по-прежнему характеризует себя «бродягой блаженной», есть строки «Мне бы знать, какова Божья воля / надо всей нашей поэтической неволей». Следование Божьей воле есть неволя (или отсутствия своеволия) тварного существа, но только в свете Божьей воли постигаются смысл и законы сущего. В случае Натальи Черных принятие «неволи» посвящения жизни работе со стихией слова сочетается с принятием системы «неволей» с целью научиться ощущать и принимать Божью волю «надо» всем сущим. Феномен ее творчества определяется тем, что религиозное чувство, искреннее и глубокое, и воцерковленность, формирующая строй мысли и организацию жизни, работают на достижение цели, которая стоит перед поэтом: отображение в слове многоплановой, но целостной в свете Высшей воли картины бытийствования человека и мира, в котором он пребывает.

Наибольшей полноты и масштабности эта картина достигла в сборнике «Похвала бессоннице». Здесь героиня Натальи Черных выступает в единстве поэт-человек-женщина или, точнее, поэт-человек женского пола, потому что речь идет о бытийствовании человека по

женскому варианту. Надо сказать, что вплоть до появления сборника «Светильник» (М.: Автохтон, 2006) в текстах Наталии Черных, всегда написанных от лица женщины, практически отсутствует специфическое «ты», подразумевающее обращение к мужчине как потенциальной или реальной паре «я». Образ «старухи» позволял не затрагивать этот аспект женской жизни, но к моменту выхода «Светильника» лирическая героиня Наталии Черных начала трансформироваться, что привело к появлению в этом сборнике фраз, содержащих специфическое женское «ты» – сообразно характеру мировоззрения автора: «ищу тебя, люблю тебя», «ищу тебя, со мной – Христос».

Тексты сборника «Похвала бессоннице» возвращают к вышеупомянутому сравнению с куколкой, на этот раз – прошедшей трансформацию. Прорвавшая кокон образа старухи (здесь показательны строки: «я была старой, мне было двадцать два года – / потом я помолдела») героиня Наталии Черных предстает в виде женщины, через которую бытийствует стихия женской любви. Важно, что речь идет не о страсти, невозможной после жесткого тренинга чувств и сознания, а именно о стихии, в которой растворяется и которую продуцирует в окружающий мир героиня Наталии Черных: «метель / стучится в окно моего слишком юного сердца», «я хочу забыть обо всём, кроме тебя и Сокольников», «что теперь делать – одно изрекать: я люблю тебя, да, я люблю...».

Варианты этого «изречения» рассыпаны по текстам сборника: «я пьяна, я люблю тебя», «я сотню раз, я тысячу люблю тебе шепну»... – «такая вот песня песней». «Я» и «ты» сливаются в «мы», и приходит ощущение полноты бытийности и возможностей человека, рождая желание разделить это с любимым: «я так тебя люблю, / что научу летать и целовать зарю», «ведь человек летает лучше ангелов, и золотится плоть / не яблоком запретным – благодатью. / Возьми её. Пусть не из рук моих, из чьих-то. / Мы с тобой прекрасны, ведь мы с тобою – тысяча пространств, / мы вздох. Ладонь к ладони листьев. / Лети, любимый.». Более того, именно путем соединения с «ты» ощущается возможность продолжения развития «я» в нужную сторону: «вывернуть уныние наизнанку, удалить все ненужные страсти и беды, / этот мусор бытийный, что так настойчиво лезет в глаза, / и остаться лишь тем, что я есть – Божия умная вещь.».

Но наступает неизбежное трезвение: «ты как отраженье Жениха», но «вот я немею среди ярмарки наших иллюзий, / я глохну от ропота крови, а где-то превьшие небес / едва слышно: благословен грядый во имя Господне». Изменился характер бытийствования «я», и изменилась картина мира: величественный в разворачивании пространства и времени и многоплановой проявленности сущего, он служит ареной разыгрывания и преодоления трагедии человека, «мыслящего завитка пространства и времени», явленного во плоти и духе.

С приходом земной любви пришла ее неизменная спутница – смерть. Не та, прежняя, в своей освобождающей от плотски-земного, преображающей ипостаси, знаменующая «иночество» и ведущая в царство духа, а «неизбывная беда всех нас», «стрекожущая» в нас «с рождения», вытеснившая и сменившая ту, прежнюю (здесь показательны строки «Лишь листва лип сокольнических / жалобно тянет мотив панихиды. / А я-то всё слышала это мотив торжественно-строгим»). Это переживается героиней Наталии Черных как изгнание – вследствие грехопадения – из рая пути восхождения в царство бессмертного духа в смертную земную природу, соблазнителем же в данном случае выступают «токи сил земных», являющиеся «позором всему творенью». Недаром рядом со словом «смерть», предшествуя ему, стоит слово «гибель»: «странно мне, / что любовь так сплетена с гибелью и со смертью».

Царство духа теперь «вверху» и недостижимо, что осмысливается как общая трагедия для погруженного в природу земли, но поэт – человек особый. В нем есть «нечто огнистое, лёгкое», а порою бывает и свет», он «выше / природы», «все стихии преодолевает», «обнимает всю землю».

Здесь Наталия Черных затрагивает важную проблему, требующую прояснения. Говоря о поэте до падения в природу, она употребляет средний род: «оно любило будто некий дух / лучом Любви Начальной озарён-ный/ и всем дарило щедрую любовь / ... оно читало души и стихи», после падения – женский: «теперь она полна сочувствия и милого покоя». Декларируя себя прежде всего поэтом, ее героиня заявляет: «плоти не нужно мне – нужно лишь пламя», однако пламя не «выше природы» и оно (!) возникает при сгорании того, что условно можно назвать плотью (она!), которая у человека связана с полом. При этом (как тут не вспомнить знаменитую строку Лермонтова: «из пламя и света рожденное слово»), излучается свет.

Парадокс поэтического творчества заключается в сочетании стремления и невозможности уйти от «дольнего» в «горнее», в зависании между ними и выражении в слове трагедии (или счастья) этого положения. При этом трагедия ощущается тем сильнее, чем напряженнее разрыв между погружением в «дольнее» и устремленностью в «горнее». Поэтому творчество Наталии Черных после «падения» ее героини получило мощный толчок к развитию: полнота пребывания в плоти позволила познать ее ограниченность («Я – пепел и прах, мирянка», «не старица... и не чадо./ Так Христово зерно в землях ада»), усилив как стремление к освобождению от нее, так и чувство смирения перед лицом несовершенства человека и непостижимостью Божьей воли.

Заметно изменился и стих Наталии Черных: сохранив все свои признаки, он изменился за счет их усиления, приобретя качественно иные объемность, мощность, плотность. Образы множатся и стремятся к уплотнению, строки – к удлинению, а пульсирующий внутри их ритм – к ритму заклинаящего плача, в той или иной степени сдерживаемому чувством элегической грусти. Временами стих как бы захлебывается, точнее «закруживается», но это «закруживается» стихия слова, не чувства: «песнь кружит, а я хоровод». Этот стих уходит корнями в глубину русской культуры («веще слово спрятано под образами в бабкиной ладанке»), о чем свидетельствует не только лексический состав («кудель», «ладья», «Яга», «пряха», «Иван Купала», «твердь» и т.п.), но и ритмическая организация. Здесь можно говорить об ощущении и выражении глубоко народных, связанных с природой корней русского христианства («мне Рязань была – Иерусалим»).

Этим объемным, мощным стихом рисуется базирующаяся на достоверном переживании трагичная, но отнюдь не безысходная картина бытийствования человека и его мира. Ее опорные моменты могут быть выражены следующими строками из текстов книги «Похвала бессоннице», в которых «ты» собрано из «я», «ты» как пара женского «я» и любого «он» или «она», поднимаясь до общечеловеческого, которое в данном случае является общехристианским. «Каждый из нас поражён, / большие ли, меньшие. Степень мало что значит перед лицом неба», каждый «слова молитв лепечет, и надеется / на руку Жениха, который вынет из холодного потока и обернёт сухим бельём / изъеденное болью судороги тело». «Страданье / здесь, в мире где Христос ходил с людьми, / уже не будет глупым и напрасным», поэтому «пей не морщась неволю свою земную, да волю Божью», а в свой срок «придут коты цветные ранним утром, / на крыльях разноцветных унесут/ тебя, меня, всех наших. К Жениху».

Истинная полнота бытийственности и возможностей человека приходят к героине Наталии Черных через слияние пути поэта, предмет трудов которого является «олицетворением первого дара из всех, / данного человеку», и пути к Богу, лежащего вне путей женской любви («любовь и смерть – они твои; ты нищий, / мой друг. Христос сильнее смерти.»). Она по-прежнему «дерзкая (почти), со слезами, и всё же молящаяся» «сирота и бродяжка», в конечном итоге идентифицировавшая параметры личного земного рая как «страна, язык да имя», а суть всех «неволь» в виде «Божьей воли» «надо» ними – «по капле познавать / до окончания века, // мир человека, / да больший Господен мир».

Емкая и выразительная картина мира «всех нас» дана в завершающем тексте сборника «Похвала бессоннице». Там он представляется заключенным в «едущий» «вагон подземки», «за

пределом» которого «есть мир, / Где Христу очень нужно увидеть нас всех.». Вряд ли после всего сказанного требуют комментариев строки, подводящие итог этому тексту и всему сборнику: «Доехать, хотя бы в течении часа, / В течении жизни, / К Нему.».

Людмила Вязмитинова

Книга элегий

К свиданиям

Первое

Как выразить мне гнёт несостоявшегося,
он разрывает простое и тонкое чувство, подобно кисее.
Древнее слово, но я отчего-то знаю,
что тебя не любили всего, так, как молятся, так, как слушают
старших.

Это странное чудо твоё – самозабвенное соподчиненье
ходу чувства и слова, они сплетены – не развязать.
Ты жаждал, чтобы тебя полюбили, но увлечение овладевает тобой
соподчинённо. Пьяненькой жалобы звуки из дудки твоей.

И потому роза истины сломана, а впечатлительная метель
стучится в окно моего слишком юного сердца.
Розу истины нам заменит ветка цветущей сливы,
на китайским манер – наши сердца боятся друг друга.

Я хочу забыть обо всём, кроме тебя и Сокольников,
вывернуть уныние наизнанку, удалить все ненужные страсти и
беды,
этот мусор бытийный, что так настойчиво лезет в глаза,
и остаться лишь тем, что я есть – Божия умная вещь.

Расширенье пространства влечёт за собою
многозначность вещей, до помраченья сознания.
В коловращенье том чудится мне, что ты уже не
принадлежишь времени с чётким названьем и чётким характером.

Чудится мне, что мы где-то встречались раньше,
в мире гармонии времени и пространства,
а теперь время нам тайный помощник из частного сыска,
а государева служба пространства порой допускает свидания.

Чудится даже единственность твоего появления
накануне конца повести обо мне,
и Некто – Кто связывает нас провидением
не утвердил моего заявления
об уходе по собственному желанию.

И вот я немею среди ярмарки наших иллюзий,

я гложу от ропота крови, а где-то превыше небес
едва слышно: благословен грядый во имя Господне.

То, что с нами, друг мой – не осанна ли
Входу в Иерусалим?

Второе

Когда мы поедem в Сокольники – я позабуду
невыносимой памяти гнёт, а картинка убогой реальности вдруг
тронется с места и улетит, как клин журавлиный.

Будет пахнуть корой тополиной
и прелью змеиной,
а юные кроны как перья павлина
(ещё слышится пение: Христос воскрес!)
нам дружески бросят приветствие клейкое.
Когда мы поедem в Сокольники —
стой, а это уже Радужный переулок,
дом из серого крупного кирпича,
теперь не строят таких,
окно слева – на первом – Черлога.

.....
тяжесть событий и отношений уйдёт навсегда,
как обещано в Откровении,
а времени больше не будет.

Когда мы поедem в Сокольники
(путь в пространстве без времени лёгок собой как стрела),
мы увидим набухшее небо апрельское над Балтикой,
такое же, как было до разделения небесной воды и земной,
небо над Ноевым домом после того, как вода отступила.

Не важно, как мы попали сюда,
не важно, что мы заблудились.

.....
но тяжести плоти и крови живут, независимо от видений,
снов, они лишь подначивают мысли,
тебе же не изменить зарубок на древке земного скитанья.

Что же, мой друг алеут, будем в гости ходить друг к другу
в воображении, преодолевая
все пояса часовые и расстояние между Америкой и Россией.

Как далеко мы зашли! Не обращаясь назад,
я слышу спиной рёв и грохот крушения чувства,
и себя самоё, потому что подхожу тебе как опиум к крови,

и мне нужен ты сам, а не время твоё или некая слава.

Позвоночник осыпался известью,
которой гасят останки.

Лишь листва лип сокольнических
жалобно тянет мотив панихиды.

А я-то всё слышала это мотив торжественно-строгим.

К озеру

1

Вот здесь, на берегу – весь мир.
Здесь камни славят умиротворенье;
мы в них читаем первый день творенья, и слава.
Гармония стихий!
Но человек себе кумир
и нержавеющая оправа.

Мы за чертой —
мы взяты на постой,
особенно в русскоязычном мире,
все словно в лагере, на время,
а пространства
пока ещё —
но были.

Мы в плену
себя.

Всё озеро от берегов свободно.

Нежной ступне вдохновенья больно,
и вдохновений деве не принять
(иль юноше, как другу вдохновений),
жестокоей плоти камня.
Здесь всё существование невольно,
на дни лета и корни не разъять.

Но озеро от берегов свободно,
вернулась в бездну водяная гладь.

Мы создавались радугой над бездной,
заветом Бога и стихии,
мы —
но речь как молоко
створожилась.

Шёл водопад наоборот,
а человек как некая сосна,
вращался и протянулся
от магмы ложа озера до звёзд,
мерцающих из сокровенной бездны;
в моих волнах все гребешки созвездий.

Но озеро спокойно и свободно,
и горы старые в снегу – престол.
Там в инее зелёный лист брусники
и заповедник.
Человек – наследник;
здесь речь моя замёрзла как вода,
а озеро – смотри! – свободно.

Ивняк скитаний и лишений галька
раскалены. Ужасно и светло,
но озеро от берегов свободно.

2

Вот озеро – в невидимой ладони,
прозрачна вся история его:

недужное рождение в тесноте,
подстилок влажность и попытки к бегству,
влюблённость фантастическая, знай,
оно любило будто некий дух,
лучом Любви Начальной озарённый,
и всем дарило щедрую любовь,
и наполнялось светом и любовью.
..... Затем
пришло седое обмеленье.

Спит городок урановый внизу,
внизу и вправо. Озеро любило,
оно читало души и стихи.
Оно не избежало при основе
семейной трещины. Теперь она полна
сочувствия и милого покоя.

3

Шумит ивняк, а озеро молчит. Огонь заката в ивняке дымится,
и даже воздух причиняет боль увянувшему телу.

Но чувства в глубине светло оживлены,
а свежесть ветра как Начал дыханье.

Природа спит, а озеро свободно.
Природа спит, забудь о ней, дитя.

Она нема и скована проклятьем,
она как заключённый человек,
в стенах стихий. Поэт, ты выше
природы.

Ты все стихии преодолеваешь,
ты извержение стихий наоборот.

Природа лишь источник задремавший
в объятьях Бога.

Ликом
казались улицы почти всегда пустые,
косая кладка досок
и стены школы.

Озеро вверху
и навсегда свободно.

Озеро – престол
Несущему весь мир,
оно сжигает
все боли, все осенние цветы.

4

Адамов сон в рыбацьем одеяле,
когда-то бывшем дёрном трав эдемских,
тревожить стану я едва ли.
На берегу нет волн и криков резких,
а озеро мелеет
.....

Адамов сон о прошлом; нерв стихий его рука волнуясь ощущала
и так была отечески тепла.
Теперь вода озёрная как будто из металла.
Она синее неба и светла,
но озеро мелеет.
.....

Кирпич белёсый озеру под стать;
что было: мастерская, продуктовый,
мне лучше бы совсем не вспоминать,
глазницы льда весной суровы,
ведь озеро мелеет.
.....

Адам проснулся. Ледяная гладь
имела вид счастливого числа.
Лёд вздыбился. Вода под ним взошла,
но озеро мелеет.

.....

Не передать, когда вокруг тебя
один лишь лёд, сырой и синеватый,
ужасно чистый, а земля пуста,
пуста, лишь камни, лишь кирпич белесоватый
того, что будет домом.

.....

5

К берегам
ведёт рыбачья зыбкая дорога,
а лёд уже живой. Вода под ним
из пламени и малахита. Бог
всё ближе к нам, и озеро мелеет.

Там, на дне
тропа, ведущая от угля к плазме,
от каменнотелой пики к финскому ножу,
от шерсти к голубой татуировке —
империи, провинции, поля.
А здесь слышна печаль башкирской песни,
неверная и зыбкая печаль,
та зябкая и хитрая печаль,
которая страшна, как воды Течи
живительна, как воды Иртяша
нас поит мёдом.

Озеро свободно.

Лоза, молоко и роза (триптих)

К винограду и розе

Лоза, ведь мы не современники растления
пространства. Ухожу в поэты,

как раньше уходили – хоть в казаки,
под суд, на каторгу. Скорее, смерть!

Лишь ты одна земле приносишь розы.

О роза, ты классична, как закат,
как сумерки сознания. Ты тема

всех слов и звуков,

ты лозе невеста.

Прибой пьянящий в хрупких берегах
взмывает лепестки и сеет страх.

Истоптанная гроздь в точиле спит,
и платье лепестка сочится каплей.

Вот вкус ухода, аромат прощанья
и осязание иной земли,

где волны эти: розы, винограда – неразделимы.

Улицы малы, они с ладонь, и город мал,
сползающий как холст с подрамника;

лишь розы нагота и преобразование винограда.
И будто песнь. Её растущий звук —

извне и изнутри.

К розе и молоку

Вот роза в молоке: пурпур и жемчуг,
раскрывшийся младенческой ладонью,
беспомощной и раненой ладошкой,

внезапно превратившейся в атлас.

Боль красоте наследница.

Так чин садовника наследует торговец
и царский трон наследует плебей.

Но здесь, на местности, где даже пыль чиста,
а скорби дружественны и недолговечны,
раскрошенная в чашку молока
сияет роза, в тёмной оторочке,

и каждый лепесток её – забытое лицо,
его прекрасный цвет – опал в пурпуре,
глядит, и камера над ним скворчит негромко,
сверчок-свидетель, новенький скворец,

так розовое молоко стекает в сердце. Жажда истекла.
Вновь стены, свечи тополей, розарий чахлый,
и бело-голубые тени на картоне
(я думала, что он сейчас размокнет),
на месте вещи. Боль здесь – только боль,
улыбка есть улыбка, а страданье
здесь, в мире где Христос ходил с людьми,
уже не будет глупым и напрасным.
Здесь каждый с именем – уже как человек:
он видит, слышит, осязает, любит
не только плотью. Он болеет, спит,
и это всё молочные секреты
и розовые тайны бытия.

Весь человек с рожденья полон розой,
он переполнен первым молоком,
но смерти безымянная подсветка,
как и сверчок небесный, в нём стрекочет,
и это неизбывная беда всех нас.
Молоко и роза —
напиток утешения. Оно
порою глупо, даже неуместно —
но пей его. Ты не сильнее Христа.

К лозе и молоку

Мой детский город, весь в три этажа,
где доски стен подгнившей ёлкой сбиты,
да ветви серые, как ветераны,
забытые правительством. Увы!

Преодолев, что пережить нельзя,
разрушив связи родовые с миром
хлопот и суеты, самозащиты —
не умереть. И вот, Господь с тобой.

Глоток молочный замер над точилом —
но запах листьев и куренье дыма
смешались вдруг с круженьем струй молочных,
несущихся на сорванную гроздь.

Вот чёрный виноград – когда-то здесь
пустынная дорога пролегала,
усыпанная листьями седыми,
а нынче небо зимнее и звёзды.

Здесь девочка с пушистой серой шапке
себе казалась сильной и простой,
и окунала сердце в холод зимний,
глумясь над хамством слабостью своей.

Вот белый виноград – надежды солнце
искрилось и горчило в январе,
но сливки скорби угасили пламя
надежды. Белый виноград.

Невеста юная ещё не знала,
как душу глядят сытым утюгом,
как высыхает заживо влюблённость
здесь, в проклятой язычником пустыне,
а это был лишь пригород московский.

Вот красный виноград, вот эти листья,
где я тебя люблю, как будто нам
осталось жизни полчала, а дальше —
молочный свет, и стены детства – да,

мне эти улицы всегда казались
немного больше, чем на самом деле;
как в детстве чувства, вещи – и любовь,
едва-едва; лишь запах виноградный.

Волна из перламутра гроздь уносит:
прощай, мой друг, постой – но нет: прощай!
Любовь и смерть – они твои; ты нищий,
мой друг. Христос сильнее смерти.

ведь человеку не прожить без рая...

.....

и вот он, рай.

Страна, язык да имя.

Обед с ко-ко – и вместе со святыми.

Детские

Первая (пригородная)

Младенца твердь кружится и течёт,
над ней течёт и детский небосвод, в котором люди хороводят,
ведут свой хор, и водят хор земной.
Не знаю всех, а может быть, и знаю; сад слов прекрасен и ветвист.
Так в комнате соседней праздник тихий, но спящий за стеною
слышит.
Мне говорят учителя: пустынно поселенье, друзья уходят,
остаётся боль,
но ведь она уходит – перед самой смертью.
Пустынная пятиэтажка старая, любимая, Шанхай мой
подмосковный,
где родилась, Алина, ах, где родилась;
на первом этаже коммуна хиппи.
О детская земля: она летает, её на крыльях носят люди света.
Они не скажут: улицы пустынные, а говорят: не бойся. У тебя есть
Жених.
Про Жениха я поняла всё сразу.
Ещё сказали мне: люби людей – так мне сказали люди, все из света.
Они как ты, они летают тоже. Но я была беспомощно сурова
и медлила растить свою любовь.
Люблю людей, как любят дети. А деревья и звери так не умеют.
И комнатные растения тоже не умеют любить, как я, дитя людей,
люблю людей.
Есть воля, ум и память. Все три части хочу свести в одно и
подарить тебе,
ведь ты как отраженье Жениха – смотри! Дарю! Храни. Вот эту
осень,
пустынную дорогу, эстакаду, цветных котов – чудесный мир. И
осень.
Всё это человек: дорога будто мысли, а эстакада – годы перед
смертью,
когда друзья, родные – все придут. И тогда увидим всех тех, кого
любили.
Ради этого мне стоит жить. Да и тебе. Придут коты цветные
ранним утром,
на крыльях разноцветных унесут
тебя, меня, всех наших. К Жениху.
О мой Шанхай! Ты вспомни обо мне
в пространстве том, где ты теперь. Нет недостатка у Христа
в пространствах.

Вторая (осенняя)

Как светится листва! Летние звёзды из шёлка вымыты,
пыли осенью нет, лишь мелочь брильянтов дождя прострочила
мне сердце.

Осень любимая, как хороша, великолепна и царственна,
Божия осень, ты больше земли.

Мёд пью из неба – Божией пригоршни, и я пьяна
без вина, без вины

.....

Я люблю тебя. Да, я люблю тебя. Да, я люблю тебя —

.....

и завершилась страница осени, вечных записок о Божиих
частностях.

Всё судьбоносно, весь мир! Озарён! Дождь-эликсир. Я пьяна,
я люблю тебя.

О декламация листьев, калейдоскоп тополиный, молитвословия
девственных пихт!

Всенощная вселенной, среднерусский мой мягкий октябрь,
влетаю туда сиротой и бродяжкой, в пух и прах прожившей себя,
бездомной, безжалостной, дерзкой (почти), со слезами, и всё же
молящейся.

Осень, ведь ты как молитва. Как мне не молиться, когда ты
Христово крыло?

Осенью девственны все городские деревья.

Осенью все деревья как вдовы, и мягки от скорби их тёмные
школьные плечи.

Осень, ты больше, чем счастье. Я взлетаю, как будто меня
подобрали на улице,
в храм твой внесли на руках. Здесь Пушкин, и Тютчев, и даже
Фернандо Пессоа,

и далее, все кого я люблю; здесь Джон Донн и Шекспир, и далее,
далее...

мокрое место, я всех их собой отражаю, я слёзы поэзии, осень
поэзии

.....

я расцветаю тем губительным цветом, той радостью страшной,
что людям дана перед смертью

.....

Боль – когда тело цепляется за
взгляд, поворот головы, чашку, воду горячую, мыло, одежду.

Всё это канет в простую вселенскую осень,
как в Клязьму (её берега круты и покрыты монашеством
ив кротковольных).

.....

Предчувствие радости высшей преображает

радость земную. Она расцветает, как не умеет цвести среди
плотных вещей,
она озаряется, светит! Она будто лист, мягкий и тёплый,
на антраците, асфальте,
она асфоделия радости в нашем аиде земном.
Осень —

.....
и поэт обнимает всю землю, и пестует будто ребёнка
планету свою,
обречённую преображенью.
Во всех поэтах есть нечто огнистое, лёгкое —
порою бывает и свет.

.....
Редко бывает, что осень жизни поэта
совпадает с осенью жизни вселенной,
и здесь завершается разговор о времени года.

Третья (рождение)

Вот так начинается новый росток, сочетая в себе зерно и восток,
зрачки зарифмованы с западом, к югу прекрасная рифма: любовь,
плёнка билета разорвана: возвещается ангелом срок.
Мы все при рожденье своём приходим на север: луга хлопчатого
новь,
людность жилищных углов, людность близких гробов.

Дитя не хочет жить, дитя любое —
когда б не обрученье творчества и тела
заветной жизни райской;
вот загадка любви зверей и ангелов:
то сфинкс, то человек.

Ангелы ходят и смотрят, касаясь изредка струями ветра
сна в электричке (подъехали, город Дрогобыч, продрогла),
школы, потного платья из полушерсти, мокрых (теперь уже вечно)
волос,
старчески мягких, невинно текущих (я никогда не смотрела
всерьёз
в зеркало), в парикмахерских залах висит нечто грустное.

Ангелы смотрят, поддерживая сильным дыханьем
дыханье моё, и тело моё, так стремительно тающее вместе
с каким-то временем (я была старой, мне было двадцать два года
—
потом я помолодела) ведь возраст волнуется, будто бы море
житейское жизни одной. Тишина прокопчённого дома,

духота тесностенной квартиры (так теперь не бывает),
шторины синие с серебряной розой ветров —
вещи из ангельских рук сохраняют ароматы невинности,
они сродни розе и винограду,
а ещё землянике и мёду,
и яблокам; всему, что я есть не могу.

И вот я в хлопчатых полях бытия.
Не насекомое, малое, очень цветное, как бабочка,
кокон в споров шелковистый,
не змееносец из врат известковых яичных,
не из икринки янтарной малёк-вертолет золотистой скалярии —
нет!

Так падают с большой высоты, не чувствуя боли,
так прыгают через пропасть, чтобы спастись от погони,
так разрывают все тонкие связи, уничтожают все тонкие вещи,
чтоб только вкусить эту молочную тяжесть,
которая пахнет немного мочой (у старух и младенцев),
истлевает и вянет, и светится фосфором – чтобы

сердце упало, услышав родное дыханье,
прикосновенье, когда-то чужое,
такую же кожу, но чуть погрубей,
будто холст,
на котором напишут —
икону.

А ты (я, она ли – не важно)
в недрах вожделенного безвременья
заходишься в серебристом плаче и смехе,
всё та же, и только лишь ждёшь,
чтобы дверь отворилась, чтоб дверь отворилась.
.....
И закончилась смерть.

Четвёртая (утопленница)

Как мне назвать и как поведать, как прикоснуться
к заживо погребённой святыне, к утопленной в океане святыне,
перед погребением завёрнутой в нефтяную плёнку?

О ужас, но она жива; как привидение живёт.
Вокруг неё подгнивший кедр и медь, и золото,
погибших кораблей носы, и ржавчина, и кости,
слизь и нити

каких-то водорослей.
Так вынесло на берег поэзии тело странной гостьи
со дна морского. Она встаёт из вод;

Она как дива из кино, неоновая фосфорная дива,
чешуйчато бледна, намеренно покорна, одинока,
как будто вся вселенная глядит
на жесты и волнения её, и осуждает фосфорную выскочку,
за гибельную непоседливость и пережжённые локоны
(когда-то она блондинилась и ездила на лето в санаторий).

Господь молчит, молчит и Преподобный. Он не видел женщин.
Она для всей вселенной призрак, она кошмар мой детский,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.